

С благодарностью
адмиралу
Вячеславу Алексеевичу
Попову, разъяснившего
мне азы морской науки

«А время — оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта. И иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, даря ей новую боль... и новую жизнь... Время — плохой доктор... Заставляет забыть о боли старых ран, нанося все новые и новые... Так и ползем по жизни, как ее израненные солдаты... И с каждым годом на душе все растет и растет количество плохо наложенных повязок...»

Э. М. Ремарк

* * *

Человек не может безнаказанно украсть чужую жизнь. Не может, не может, не может. И тем не менее это чудовище именно так и поступило. Я пытаюсь не отомстить, нет, я пытаюсь отстоять свою веру в то, что зло должно быть и будет наказано. Пока перевес сил явно на стороне зла. Но я не сдаюсь. Я положу этому конец. Осталось совсем немного.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Море требовательно толкалось, пихало белоснежную красавицу яхту в безупречный бок, не давая забыть о себе ни на минуту. Яхта и не забывала, хоть и была привязана к причалу, но послушно взмывала вверх и опускалась вниз, выполняя указания моря, лучшего дирижера на свете.

«А волны бились о борт корабля», — вспомнился Марьяне бородатый детский анекдот про Вовочку. Вся «соль» анекдота была в том, что мальчик спрашивал значение слова «аборт», поэтому плещущие сейчас совсем рядом волны ударили прямоком в сердце, заставив его пропустить такт. Марьяна болезненно поморщилась и сглотнула подступившие слезы. Во рту стало солоно, как будто она хлебнула морской воды. Может быть, зря она поехала в этот круиз? Может быть, зря понадеялась, что здесь, на море, под ласковым солнцем, о котором она так мечтала нынешним незадавшимся летом, ей станет хоть немного легче?

А вдруг не станет? Ведь за совершенные преступления нужно нести наказание, достаточно суровое для того, чтобы можно было искупить свою вину, взятый на душу

грех. Почему же она решила, что ей уже должно стать легче? Нет, чаша страданий явно еще испита не до дна. А значит, и попытка сбежать из повседневной реальности обречена на провал. На поражение. Она, Марьяна, потерпела поражение во всем. Что ж, пора это признать и начинать строить свою жизнь заново, восстанавливая ее из острых обломков, оставшихся на месте прошлого. И радоваться, что ее не погребло под руинами насовсем.

Марьяна отошла от края палубы, чтобы не видеть будто бы насмехающегося над ней моря, села в удобный шезлонг и прикрыла глаза, прислушиваясь к бушующей внутри боли. Мимо прошлепали чьи-то босые ноги, но ей было лень открывать глаза, чтобы посмотреть, чьи именно.

Кроме нее, на корабле пока было совсем немного народу. Круиз, как гласил рекламный буклет, был рассчитан на двадцать человек, включая пять членов экипажа. Прилетев в Барселону сегодня утром, Марьяна сразу же отправилась на яхту, потому что глазеть на городские достопримечательности была совершенно не в силах. Да и не любила она Барселону. Город этот и в лучшие времена оставлял ее совершенно равнодушной, а уж сейчас и подавно. Сейчас она вообще была равнодушна ко всему, кроме плещущейся в душе черноты.

Встретивший ее помощник капитана представился Валентином, проводил в одноместную каюту, помог донести вещи, объяснил, где кают-компания, она же столовая и бар, рассказал, что встреча с капитаном и организатором тура состоится в семь вечера, и откланялся.

Спросить, кто из пассажиров уже прибыл на корабль, Марьяна поленилась. Какая ей разница... Разобрала че-

модан, нацепила купальник и легкую тунику и поднялась на верхнюю палубу, где, кроме нее, уже располагался в шезлонге импозантный немолодой дядечка, на ее появление, впрочем, никак не отреагировавший. Ну и ладно. Не больно-то и хотелось.

Босые пятки резво снова пробежали мимо, и Марьяна все-таки открыла глаза. Мимо нее промчались две девочки-подростка лет по пятнадцать. Одна светленькая с хвостиком на макушке, другая темненькая, с волосами, забранными в аккуратный пучок, как у тех, кто занимается танцами. Первая чуть полненькая, но ладная, а вторая – совсем как фарфоровая статуэточка, тонкая и изящная. Обе были настолько полны внутреннею огня, прорывавшегося через каждое движение, что Марьяна невольно залюбовалась, наблюдая, как они бегут по палубе, едва касаясь ладонями поручней. Юностью, бездумной, беспроблемной юностью веяло от этих девочек, и Марьяна снова зажмурилась, чтобы не расплакаться. Ее пятнадцать лет были так далеко, что и не рассмотришь.

– Оля, Тоня, мы сейчас уходим, – откуда-то послышался женский голос, требовательный, чуть хриплый, полный той самой женской манкости, на которую обычно так падки мужчины.

– Идем, тетя Рита, – откликнулась одна из девочек, та, что постройнее, темненькая. – Мы во сколько вернемся, что мне маме сказать?

– Твоя мать в курсе, что мы возвратимся к ужину, – в женском голосе послышалось скрытое недовольство. – Давайте быстрее, девочки, нас такси ждет.

Снова послышался топот быстро бегущих ног, девичий смех, и все стихло. Марьяна попыталась вернуться в состояние привычной погруженности в себя, но не успела. По лестнице поднялась стройная женщина с милым, немного усталым лицом, приветливо поздоровалась, присела в соседний шезлонг, поправила широкополую шляпу, мешающую определить возраст владелицы, подставила лицо солнцу, блаженно вздохнула и тоже закрыла глаза.

– Хотя немного побыть в тишине, – пробормотала она, распахнула глаза и требовательно уставилась на Марьяну. – Дети – это прекрасно, но совершенно невыносимо, вы не находите?

Дети были опасной темой, развивать которую Марьяна хотела меньше всего на свете.

– Любая возможность отдохнуть – это прекрасно, – поспешно сказала она. – Вы в круиз? Как и я?

– Ну, наверное, все в круиз, раз уж мы здесь, – мелодично засмеялась женщина, стащила с головы шляпу, встряхнула непослушными кудряшками, тут же заскакавшими вокруг головы, как сорвавшиеся с привязи солнечные зайчики. Без шляпы было видно, что ей уже под сорок, не меньше. Впрочем, тонкие морщинки вокруг глаз не портили ее совершенно. Назвать даму красавицей язык не поворачивался, но в ней определенно чувствовались стиль и то, что принято называть породой. – Все удивляюсь, и как я дала себя уговорить на это безумие? Кстати, давайте знакомиться. Меня зовут Елена Михайловна. Можно просто Елена.

– Марьяна. Вы здесь с дочерью?

– С семьей. С мужем и дочерью. И еще с его дочерью. Впрочем, это неважно. – Смутная тень пробежала по ее лицу и сменилась непонятной ухмылкой. – Важно, что девочки забрали на экскурсию, и можно провести время в тишине. Нет, все-таки подростки – это очень утомительно.

Она снова натянула шляпу, откинулась на спинку шезлонга и закрыла глаза. Немного поразмыслив, Марьяна решила, что это и к лучшему. Заводить навязчивые знакомства ей не хотелось.

– Сок или, может быть, холодного шампанского? – На палубе появился стюард (черные брюки, белая рубашка), державший поднос с запотевшим кувшином, в котором тягуче переливался сок, кажется апельсиновый. – Я принесу все, что скажете. Вода, пиво, швецп?

Мужчина, сидевший на самой корме, встрепенулся, зашевелился, встал со своего шезлонга и тут же сел обратно.

– Если можно, мне пива, – сказал он хрипло и даже откашлялся, чтобы вернуть голос.

«Видимо, спал и осип со сна», – решила Марьяна.

– Сейчас принесу, – кивнул стюард – молоденький парень лет двадцати трех, не больше. – Дамы, а вы что будете?

– Я, пожалуй, сок, – сказала Марьяна, будучи не в силах отвести взгляд от запотевшего кувшинного бока. Ей так захотелось пить, что даже в горле пересохло. – Для шампанского, наверное, еще рано.

– Для шампанского никогда не рано, особенно в отпуске. – Елена снова сорвала свою шляпу и требовательно уставилась на стюарда. – Мы с Марьяной будем шампан-

ское, молодой человек. Только очень холодное и очень сухое. Найдется у вас такое? И клубники принесите.

– Один момент, – парень кивнул и словно растворился в воздухе, побежав выполнять поручение.

Снова послышались шаги, заскрипела лестница, и на палубе показалась сначала голова, а потом и вся фигура целиком – высокая, довольно полная женщина с бесцветными распущенными волосами, одетая в широкие льняные брюки и небесно-голубую ситцевую тунику, расшитую огромными ромашками. Аляповатый наряд резал глаз, но его владелицу это, похоже, совершенно не смущало. Она оглядела палубу и нахмурилась, как будто увидела совсем не то, что ожидала.

– Здравствуйте, – буркнула она. – А где все остальные пассажиры?

– Понятия не имею, – призналась Марьяна.

– А больше пока никто не приехал, – охотно включилась в разговор Елена. – Я это точно знаю, потому что наша каюта недалеко от трапа. Мы с мужем и наши друзья, – последнее слово она произнесла с легкой запинкой, – прибыли самыми первыми. Наш самолет прилетел ночью. Потом появился вон тот господин, – она кивнула в сторону мужчины, заказавшего пиво и теперь напряженно следившего за лестницей, на которой должен был появиться стюард с вожденной бутылкой. – Вас как зовут?

– Михаил Дмитриевич, – сообщил тот.

– Вот. Появился Михаил Дмитриевич, а потом приехала Марьяна. Больше никого не было. Вы следующая.

– А вдруг все поменялось? – Дама на лестнице, казалось, была в легкой панике. Впрочем, она тут же

взяла себя в руки и мило улыбнулась собравшейся компании. – Извините, я веду себя невежливо. Меня зовут Ирина. Приятно познакомиться.

Она все-таки поднялась на палубу и села в шезлонг. Глаза ее лихорадочно блестели.

– И нам приятно, – мелодично сказала Елена. – Сейчас нам принесут шампанское, и мы с вами отметим начало нашего отпуска. Детективного отпуска. Признаться, у меня такое впервые. А у вас?

– Да уж, жизнь больше похожа на сказку, чем на детектив, – усмехнулась Ирина. – В детективе всегда торжествует истина, а в жизни, как в сказке, чем дальше, тем страшнее.

– Ну что вы, – к Михаилу Дмитриевичу, похоже, вернулся голос, раскатистый, хорошо поставленный баритон. – Я вас уверяю, что жизнь – это сказка, конец которой вы пишете сами, поэтому он может быть добрым. Это я вам как психолог со стажем говорю.

– А вы психолог? – Видимо, в голосе Марьяны послышался интерес, потому что ее собеседник тут же замахал руками:

– Да-да, но в отпуске я не практикую. Только море, солнце и только позитивные эмоции. А то невольно вспоминается старый анекдот, тот самый, в котором «приходишь ты на пляж, а вокруг станки, станки». Так что ни слова о проблемах, я вас умоляю.

– Хорошо. – Марьяна досадливо пожала плечами. Она и не собиралась никому навязываться. Свои проблемы она всегда решала сама, и в этот раз будет точно так же. Подумаешь, психолог, и без него обойдемся.

Ее внимание, впрочем, отвлек вернувшийся стюард. На его подносе стояли пивная кружка и запотевшая бутылка чешского пива, бутылка шампанского, ведро со льдом, три узких вытянутых бокала (видимо, вышколенный стюард заметил поднявшуюся на палубу Ирину и позаботился о ней тоже) и вазочка с клубникой. Парень ловко сгрузил все это богатство на стоящий перед шезлонгами пластиковый столик, сорвал пробку с пивной бутылки, быстро открыл шампанское, разлил напитки и жестом пригласил собравшихся к столу:

– Пожалуйста, угощайтесь.

Против воли Марьяна взяла бокал, из которого выпрыгивали шуршащие пузырьки, рвались на волю, совершали дерзкий побег. Что ж, она сама тоже совершила побег, за последствия которого сейчас и расплачивалась душевной пустотой. Шампанское холодное, дерзкое и прекрасное. Что ж, и она будет такой же.

Марьяна подняла руку с бокалом, словно в приветственном салюте, и громко сказала, заглушая внутреннюю истерику:

– Ваше здоровье! И приятного путешествия.

Ей вразнойой вторил хор голосов.

* * *

Олег посмотрел на наручные часы и нахмурился. До отплытия оставалось чуть больше половины дня, и времени до принятия решения практически не было. Впрочем, он не пытался обмануть самого себя, от его решения ничего не зависело. Яхта зафрахтована, он подписал контракт, и сегодня в десять часов вечера